

Брамо Музеквице.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ КНИГЪ.

ПОЛЬСКИЕ ПОЭТЫ

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

МОСКВА, 1901.

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63**

Издание Общества распространения полезныхъ книгъ.

Адамъ

Мицкевичъ

(1798—1855)

его жизнь и произведения.

„Средь племени ему чужого, злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ, мы
Его любили... Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распиря позабывъ,
Въ великую семью соединятся“.

A. С. Пушкинъ.

МОСКОВА,

Типографія Общ. распростран. полезн. книгъ, аренд. В. Кудиловымъ.
Моховая, прот. магаз., д. кн. Гагарина.

1901.

Цѣна десять копѣекъ.

<http://rcin.org.pl>

Дозволено цензурою. Москва, 13 июня 1901 года.

МОСКВА

Издание Академии наук Российской империи
издательство Академии наук Российской империи

http://rcin.org.pl

Адамъ Мицкевичъ.

Жизнь великихъ писателей и поэтовъ имѣть обыкновенно сильное вліяніе на создаваемыя ими произведенія, вслѣдствіе чего вполнѣ понять и оцѣнить эти послѣднія можно только послѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ событиями жизни писателя, съ тѣми условіями, среди которыхъ ему приходилось творить и дѣйствовать.—Въ этомъ отношеніи не можетъ составить исключение и великий польскій поэтъ XIX столѣтія, Адамъ Мицкевичъ, біографію котораго мы и предпосылаемъ сборнику его произведеній.

Адамъ Бернаръ Мицкевичъ происходилъ изъ мелкой шляхты, принадлежа, однако, къ стариинному хотя и не знатному литовскому роду Мицкевичей—Рымвидовъ, значительно обѣднѣвшему во второй половинѣ XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе дѣду поэта удалось поправить материальныя обстоятельства на столько,

что опять далъ своему сыну и отцу поэта норядочное образованіе. Сынъ этотъ, Николай, служа чиновникомъ въ Новогрудкѣ, а внослѣдствіи сдѣлавшійся адвокатомъ, тамъ же женился и тамъ же у него родился сынъ, Францискъ, а за нимъ—24 декабря 1798 года—Адамъ, будущій поэтъ.*)

Вскорѣ Мицкевичи перѣѣхали въ доставшееся имъ по наслѣдству имѣніе, Заосье, но тамъ они жили не долго и уже въ 1801 году отецъ опять перевезъ семью въ Новогрудокъ. Вплоть до 1807 г., когда онъ поступилъ въ училище, Адамъ Мицкевичъ прожилъ сравнительно въ бѣдной обстановкѣ, ибо дѣла его отца были не блестящі, а семья увеличивалась. Мало выходила изъ обыкновенныхъ рамокъ и та умственная сфера, которая окружала Адама въ родительскомъ домѣ. Правда, отецъ его былъ достаточно образованъ и любилъ литературу, но мать ничѣмъ не выдѣвалась изъ ряда обыкновенныхъ женщинъ средняго шляхетскаго круга того времени.

*) Третій братъ, Александръ, былъ внослѣдствіи профессоромъ римского права въ Харьковѣ.

Отличительной чертой въ ея характерѣ, передавшейся и сыну, служила наивная и непосредственная, горячая вѣра, заставлявшая ее всюду видѣть чудесные проявленія Божиаго могущества.

Въ дома родителей жизнь маленькаго городка не могла давать Адаму сильныхъ впечатлѣній, но на него благотворно дѣйствовала близость природы и живописность окрестностей, гдѣ въ деревняхъ, у знакомыхъ отца, онъ не рѣдко проводилъ время. Эта простота обстановки, не препятствовавшая развитію умственныхъ силъ, не способствовала, однако, слишкомъ раннему ихъ созрѣванію и Адамъ въ дѣтствѣ представлялся мальчикомъ умнымъ, но далеко не обнаруживавшимъ геніальныхъ способностей,—мальчикомъ слабымъ по здоровью, тихимъ и скромнымъ.—Вліяніе любви отца его къ литературѣ сказалось въ томъ, что Адамъ въ это время уже пытался самъ писать стихи, но изъ этихъ его первыхъ опытовъ ничего не сохранилось.

Мало новыхъ чертъ сказалось въ характерѣ и жизни Адама и за время пребыванія

его въ школѣ, изъ которой онъ вышелъ, окончивъ курсъ въ 1815 году.

Школа эта находилась въ завѣданіи монаховъ—доминиканцевъ, но, подъ вліяніемъ тогдашняго ректора Виленскаго университета, Яна Снядецкаго, этого рода училища начинали уже измѣнять ихъ рутинные пріемы, приглашая свѣдущихъ учителей изъ среды людей свѣтскихъ. При Мицкевичѣ эта реформа только начиналась.

Природныя способности и въ особенности необыкновенная память, позволявшая ему запоминать разъ прослушанное и прочитанное, сильно облегчали ему усвоеніе новыхъ свѣдѣній, но съ другой стороны—слабое здоровье, да, вѣроятно, и непривычка къ школьной дисциплинѣ и усидчивому труду явились помѣхами въ безприятственномъ прохожденіи курса и произвели то, что въ двухъ изъ шести классовъ уѣзднаго училища Мицкевичъ просидѣлъ по два года.—Въ общемъ учениешло у него, однако, хорошо и онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Лѣтъ десяти уже онъ пристрастился къ чтенію романовъ

и поэтическихъ произведеній до такой степени, что у него проявлялись стремленія воплотить въ жизни излюбленныя сцены и не разъ онъ ихъ разыгрывалъ съ товарищами въ окрестностяхъ Новогрудка, изображая изъ себя всегда героя.— Вліяніе этого чтенія сказалось и въ томъ, что онъ писалъ басни и стихи, которые, однако, не свидѣтельствовали еще объ его талантѣ.

Въ 1812 году умеръ отецъ поэта и смерть эта заставила его рано заботиться о посильной помощи осиротѣвшей семье.

Окончивъ курсъ училища, Мицкевичъ перешелъ въ Виленскій университетъ, гдѣ онъ получилъ стипендію, успѣшио выдержавъ экзаменъ. Вторымъ соискателемъ той же стипендіи былъ Єома Закъ, ставшій затѣмъ однимъ изъ близкихъ друзей поэта. Мицкевичъ, пробывъ не долго на физико-математическомъ факультетѣ, вскорѣ перешелъ на историко-филологическій, болѣе соответствовавшій его склонностямъ.

Это была эпоха процвѣтанія Виленскаго университета, успѣвшаго, подъ управлениемъ

Снядецкаго, собрать лучшия мѣстныя научныя силы.

Гроддекъ, выдающійся филологъ, талантливый Боровскій, читавшій польскую литературу, и въ особенности молодой лекторъ всеобщей исторіи, I. Челевель, энтузіасть и народникъ, имѣли крупное и благотворное вліяніе на впечатлительный юный умъ Мицкевича и онъ усердно работалъ, пополняя въ то же время самообразованіемъ нѣкоторые пробѣлы, изучая, напримѣръ, греческій языкъ, который не преподавался въ училищѣ.

Въ 1891 году, по окончаніи курса университета, Мицкевичъ опредѣленъ былъ учителемъ Латинской словесности въ Ковенской гимназіи и съ этихъ поръ начинаетъ проявляться его поэтическое творчество въ полной зрѣлости и продолжается съ непрерывающимся необыкновеннымъ блескомъ вплоть до 1834 года, когда онъ докончилъ послѣднюю изъ своихъ поэмъ—«Пана Тадеуша.»

Уже на школьной скамьѣ онъ увлекся романтизмомъ, но въ средѣ виленской университетской молодежи романтическое движение

осложнялось еще тѣмъ, что оно имѣло и национальную окраску.—Подроставшее молодое поколѣніе, народившееся уже послѣ раздѣловъ Польши, пыталось переродиться нравственно, искупить грѣхи прошлаго, надѣясь еще на будущее не только культурное, но и политическое; надежды на это поддерживались и европейскими событиями. Вожакомъ движения между студентами былъ Єома Закъ, а любимцемъ молодежи—Мицкевичъ. Студенческое товарищество такъ называемыхъ «Лучистыхъ» имѣло свой статутъ, утвержденный ректоромъ, дѣлилось на группы по факультетамъ и устраивало часто загородныя гулянья, въ которыхъ участвовалъ и прїѣзжавшій изъ Ковно поэтъ, ода котораго «къ молодости» являлась могучимъ выраженіемъ смѣлыхъ полетовъ и, можно сказать, титаническихъ начинаній кружка.

Еще до выхода изъ университета, Мицкевичъ познакомился съ дочерью зажиточнаго помѣщика, Маріей Верещакъ и горячо полюбиль ее, но эта любовь кончилась такъ несчастно, что Мицкевичъ въ 1821 году тяжко заболѣлъ, помышляя о самоубийствѣ, но осво-

бодился отъ страданій такъ, какъ освобождаются отъ нихъ и другіе поэты,—т. е. написавъ геніальное произведеніе, составляющее четвертую часть его неоконченныхъ «Дѣдовъ.» Друзья Мицкевича помогли ему издать его произведенія въ 1821 г.—его баллады, а въ 1822 году— первую и четвертую часть его «Дѣдовъ» и повѣсть «Гражина». Въ обоихъ томахъ Мицкевичъ бичевалъ людей просвѣтительного періода, признающихъ только аналитической разумъ и отвернувшихся отъ вѣры.— Мицкевичъ въ эту эпоху уже увлекался Байрономъ и проникся духомъ его поэзіи, его горькой ироніей, презрѣніемъ къ людямъ и сознаніемъ могучей силы, таящейся въ волѣ человѣка. Сборникъ Мицкевича произвелъ переворотъ среди критиковъ и виленскихъ и варшавскихъ стихотворцевъ,—его порицали и осмѣшивали, но брошенную имъ классикамъ перчатку никто не поднялъ. Его произведенія быстро раскупались, и въ Польши вскорѣ, несмотря на неблагопріятную критику, создалось убѣжденіе, что народился великий, самобытный, національный поэтъ.

Въ 1824 году Мицкевичу пришлось вынести тяжелое испытание, повлиявшее на всю его дальнѣйшую судьбу,—онъ былъ арестованъ въ числѣ 108 бывшихъ студентовъ, членовъ товарищества «Лучистыхъ». Ёома Закъ принялъ на себя всю вину и съ двумя товарищами былъ сосланъ въ Оренбургъ, а Мицкевичъ въ числѣ другихъ 17 былъ отданъ въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія для опредѣленія на службу внутри Россіи, Мицкевичъ не долго былъ арестованъ и выпалъ изъ тюрьмы совершенно переродившимся человѣкомъ, возмужавшимъ и повеселѣвшимъ.

Наступилъ новый періодъ жизни поэта съ 1824 по 1829 годъ. По прибытии въ Петербургъ, Мицкевичъ получилъ назначеніе въ Одессу, что дало ему возможность побывать въ Крыму и соорать материалы для «Крымскихъ сонетовъ.» Въ 1825 г. онъ переведенъ былъ въ Москву, а въ концѣ 1827 года—въ Петербургъ, оставивъ въ обѣихъ столицахъ много друзей. Тогдашнее наше общество очень интересовалось польскимъ литераторомъ и

Мицкевичъ имѣлъ успѣхъ даже въ велико-свѣтскихъ гостиныхъ. Въ Москвѣ Мицкевичъ въ особенности подружился съ Н. Полевымъ, часто гостили въ Остафьевѣ, у Князя П. А. Вяземскаго, былъ своимъ человѣкомъ у Елагиной, матери славянофиловъ Кирѣевскихъ и у княгини Зинаиды Волконской. Въ Петербургѣ онъ бывалъ у Жуковскаго и Оленина, который принималъ въ немъ большое участіе и несомнѣнно бесѣдовалъ съ Пушкинымъ о Петрѣ Великомъ у памятника его, чemu доказательствомъ служить эпизодъ «Памятникъ Петра Великаго» въ отрывкѣ «Петербургъ» и «Мѣдный всадникъ» Шукина.

Какъ «сантиментальные», такъ и Крымскіе сонеты Мицкевича напечатаны были въ Москвѣ и ихъ стали переводить на русскій языкъ, прежде чѣмъ они возбудили ропотъ негодованія со стороны варшавскихъ классиковъ за свой восточный стиль и неизбѣжную при этомъ напыщенность. Вскорѣ вслѣдъ за сонетами (въ февралѣ 1828 г.) вышла въ свѣтъ и большая поэма Мицкевича въ бай-

роновскомъ родѣ, «Конрадъ Валленродъ,» начатая еще въ Одессѣ и доставившая автору известность въ Россіи, гдѣ она скоро распространилась во многихъ переводахъ.

Мы не передаемъ здѣсь содержанія поэмы этой, потому что она выпускается отдельной брошюрою одновременно съ настоящей.

Съ появленіемъ Валленрода романтизмъ окончательно воцарился въ польской литературѣ, а въ Валленродѣ молодое поколѣніе нашло поэтическое выраженіе своей задачи, представлявшейся въ весьма смутныхъ еще очертаніяхъ,—бороться каждому отдельно съ судьбой своею, не смотря на неравенство силъ. Произошло именно то, чего пуще всего боялись классики,—место разума заняло чувство, руководительницей людей стала поэзія.

Въ 1829 г. Мицкевичъ отправился заграницу на средства, доставленныя ему быстро расходившимися изданіями его произведеній. Цѣль поѣздки была Италія.—Изъ Гамбурга Мицкевичъ заѣхалъ въ Веймаръ поклониться Гете, потомъ направился въ Римъ, гдѣ очутился въ отборномъ обществѣ ученыхъ, арти-

стовъ, аристократовъ и дамъ различныхъ національностей. Онъ засталъ здѣсь Княгиню Зинаиду Волконскую и часто бывалъ у польскаго магната, графа Анкевича Скарбека, поселившагося въ Римѣ для излеченія больной дочери, Евы-Генріеты.—Среди раутовъ и прогулокъ съ археологами и любителями искусствъ Мицкевичъ пережилъ второй романъ. Больная Генріета Скарбекъ полюбила вдохновленнаго поэта, хотя ее непріятно поражала улыбка байроновскаго сарказма на его устахъ, но гордый отецъ ея и слышать не хотѣлъ о бракѣ и романѣ этотъ кончился такъ же грустно, какъ и первый.

Зимою 1830-31 г. вспыхнулъ польскій мятежъ, на успѣхъ котораго Мицкевичъ и не надѣялся, но начавшееся движение взволновало его до глубины души.

Творческая дѣятельность его, значительно ослабѣвшая въ великосвѣтскомъ обществѣ среди однихъ наслажденій искусствомъ, вновь оживилась и Мицкевичъ опять окунулся въ національную струю и почувствовалъ, что вдохновеніе возвращается къ нему съ небы-

валой силой, причемъ въ душѣ его произошла новая перемѣна: байроновскій сарказмъ исчезъ, уступивъ мѣсто чистому религіозному настроенію.

Политическая дѣятельность Мицкевича, какъ оратора, не мѣшала его поэтическому творчеству и въ первой половинѣ 1832 г. въ Дрезденѣ произвели громадное впечатлѣніе два его произведенія патріотического содержанія, изданныя затѣмъ въ Парижѣ. Одно изъ нихъ, написанное прозой, «Книги польского народа и паломничество,» послужило образцомъ для «*Paroles d'un croyant*» Ламеня и переведено на французскій языкъ гр. Монталамберомъ. Другое произведеніе той же эпохи (1832 г.), третья часть «Дѣдовъ», несравненно цѣннѣе въ художественномъ отношеніи. Мицкевичъ облекъ здѣсь польскій вопросъ въ форму фантастической драмы, въ родѣ «Фауста» Гете, «Манфреда» и «Каина» Байрона, выставивъ на сцену живыхъ людей, а вмѣстѣ съ ними безплотныхъ духовъ и скрытаго за облаками самого Бога. И Гете, и Байронъ разрабатывали тотъ же сюжетъ—идейную борьбу человѣка и природы.

въка съ божествомъ, но у нихъ извѣрившійся озлобленный умъ относится къ противнику скептически, между тѣмъ, какъ Мицкевичъ стоитъ на строго религіозной почвѣ несомнѣннаго существованія личнаго Бога и бессмертной души.—Въ немъ обрѣтается частица того духа, который вдохновлялъ пророковъ, когда они искали, помимо церквей, непосредственнаго общенія съ Богомъ. Въ этой же 3-й части «Дѣдовъ» прибавленъ отрывокъ «Петербургъ,» изображающій впечатлѣнія поэта во время его пребыванія въ сѣверной столицѣ.

Въ Парижъ Мицкевичъ пріѣхалъ изъ Дрездена деморализованнымъ, состарившимся человѣкомъ, не имѣвшимъ притомъ никакихъ средствъ къ жизни, такъ какъ на родинѣ произведенія его были запрещены. Онъ уединился, жилъ въ маленькомъ кружкѣ близкихъ друзей и отъ толкотни и шумихи европейской бѣжалъ мысленно, чтобы забыть свою тоску, въ родную Литву, какъ онъ ее помнилъ съ юности своей.—Изъ этихъ воспоминаній, ненамѣренно и безсознательно иде-

алицированныхъ, сложилась большая эпическая поэма въ 12-ти пѣсняхъ, начатая въ декабрѣ 1832 г. и конченная въ февралѣ 1834 г. Это былъ «Панъ Тадеушъ», послѣднее крупное произведеніе Мицкевича, о которомъ онъ писалъ другу: «пишу сельскую поэму въ родѣ Германа и Доротеи.» Мицкевичъ считалъ эту поэму бездѣлкой, развлечениемъ и спѣшилъ вернуться къ «Дѣдамъ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ «Дѣды» устарѣли уже, а «Панъ Тадеушъ» сіялъ полнымъ блескомъ неувидаемой юности, потому что въ немъ увѣковѣчена цѣлая отошедшая уже культура исторически жившаго народа, со всѣми сторонами его быта, причемъ не только видимость предмета воспроизведена реально, но и отразилась сама его душа.

Вскорѣ послѣ окончанія «Пана Тадеуша,» въ серединѣ 1834 года, въ домашней жизни поэта произошла большая перемѣна. Еще въ Петербургѣ онъ былъ знакомъ съ известной піанисткой, Шимановской, одна изъ дочерей которой, Целина, осталась у него въ памяти, какъ рѣзвое и милое дитя. Друзья посовѣто-

вали теперь поэту сдѣлать Целинѣ предложеніе, которое было принято. Для семейной жизни требовались, однако, средства и Мицкевичъ согласился было занять кафедру Латинской словесности въ Лазанскомъ университѣтѣ, но вскорѣ его парижскіе друзья, Жоржъ Зандъ и Фоше, выхлопотали специально для него основанную въ *Collège de France* кафедру славянскихъ литературъ и Мицкевичъ вновь переселился въ Парижъ.

Изъ лекторовъ *Collège de France* Мицкевичъ особенно близко сошелся съ Кинэ и Мипилэ. Въ *Collège de France*, назначенному для публики, а не студентовъ, Мицкевичъ навѣрное не имѣлъ бы слушателей, если бы излагалъ свой предметъ сухо, точно и методически,—но и краснорѣчія здѣсь было мало, ибо Мицкевичъ зналъ основательно только польскую и русскую литературы, о чешской имѣлъ скучныя свѣдѣнія, а сербскій эпосъ ему приходилось изучать; тѣмъ не менѣе, владѣя прекрасно французскимъ языкомъ, Мицкевичъ сумѣлъ съ большимъ тактомъ ступить на высоту своей задачи и его лекціи собирали

громаднѣйшую аудиторію. Ему легко было заинтересовать французовъ, такъ какъ онъ всегда считалъ ихъ передовыми въ цивилизациіи народомъ, ставящимъ себѣ міровыя задачи, но польскіе выходцы, которыхъ тогда было много въ Парижѣ по причинамъ, чисто политическимъ, были недовольны имъ.

Хотя въ преподаваніи Мицкевичъ—поэтъ преобладалъ надъ ученымъ, но и съ научной точки зрѣнія онъ дѣлалъ успѣхи по мѣрѣ того, какъ отъ мало известныхъ вѣковъ подходилъ къ болѣе знакомому ему XVIII вѣку. Репутація Мицкевича, какъ профессора, утвердилась весьма прочно послѣ первого года его чтеній, но съ началомъ второго курса то равновѣсіе въ преподаваніи, которое составляло его достоинство,—пошатнулось. Съ одной стороны въ умственной организаціи поэта взяли верхъ имѣвшіеся въ немъ обильные задатки мистицизма, съ другой же онъ оиять увлекся политикой.

Перемѣна въ Мицкевичѣ произошла постепенно, причемъ на него въ особенности повлияли два обстоятельства,—семейное горе,

въ слѣдствіе душевной болѣзни его жены, и появленіе въ Парижѣ въ 1841 году страннаго мистика и теософа, Андрея Товянскаго, образовавшаго въ католицизмѣ особый толкъ и увлекшаго Мицкевича въ свое вѣроученіе.

Вліяніе Товянскаго на Мицкевича оказалось на столько вреднымъ, что Правительство уволило его и отдало кафедру другому лицу, но въ 1846 году уже Мицкевичъ разошелся съ Товянскимъ, лишь въ нѣкоторыхъ взглядахъ оставаясь вѣрнымъ его ученію. Въ 1848 г. онъ пытался организовать польскій легіонъ для помощи итальянцамъ въ ихъ борьбѣ съ австрійцами, но не успѣлъ легіонъ собраться въ Миланѣ, какъ Карль-Альбертъ заключилъ съ Австріей перемиріе.

Мицкевичъ возвратился въ Парижъ, гдѣ, надѣясь на поддержку Наполеона III въ осуществленіи его религіозныхъ и политическихъ идей, основалъ газету «*La tribune des peuples*», но газета его не пріобрѣла ни вліянія, ни подписчиковъ и черезъ полгода была закрыта.

Такъ мало по малу рушились всѣ надежды Мицкевича и онъ споѣ, какъ, нѣсколько лѣтъ

назадъ, при первомъ своемъ поселеніи въ Парижѣ, замкнулся въ семье и маленькомъ кружкѣ знакомыхъ исключительно изъ послѣдователей Товянскаго.

Испытанныя неудачи не разрушили вѣры Мицкевича въ ученіе Товянскаго и только заставили его еще болѣе уйти въ мистицизмъ, сдѣлаться фанатикомъ.

По словамъ польскаго біографа Мицкевича, Хмѣлевскаго, поэтъ послѣднее время его жизни въ Парижѣ производилъ грустное жалкое впечатлѣніе, вызывавшее слезы на глазахъ, — онъ напоминалъ драгоценную, но разбитую статую, искалѣченную капризной рукой случая...

Семейная жизнь его также была не особенно радостной, а средства — прямо ничтожны, ибо номинально лишь числясь профессоромъ въ Collège de France, оиъ изъ 3000 фр. жалованья получать только 1000, такъ какъ остальная двѣ шли его замѣстителю. Приходилось ради куска хлѣба искать какогонибудь заработка и нерѣдко и здѣсь терпѣть неудачу. Въ 1852 году, однако, Правительство

дало ему мѣсто библіотекаря въ арсеналѣ, съ жалованьемъ въ 2000 франковъ и квартирою. На этомъ мѣстѣ онъ оставался до 1855 года, когда умерла его жена, и Мицкевичъ частью для того, чтобы разсѣять скорбь отъ этой потери, частью-же надѣясь принести пользу своимъ землякамъ, схватился за мысль организаціи польскихъ легіоновъ въ Турціи, но тамъ онъ скоро заболѣлъ и 28 ноября 1855 года скончался почти 58 лѣтъ. Тѣло его было перевезено въ Парижъ и похоронено на кладбищѣ Монморанси, а въ 1890 году перенесено въ Краковъ. *)

Такъ закончилась жизнь великаго поэта, которому польская литература обязана своимъ общеевропейскимъ значенiemъ.

*) Тѣло Мицкевича въ Краковѣ покоятся въ Соборѣ на Вавелѣ, въ усыпальницѣ польскихъ королей и великихъ людей.

Возвращение тяти.

Дѣтки! Ступайте къ часовнѣ нагорной!

Дѣтки! Скорѣй! Торопитесь!

Тамъ предъ иконою ставъ чудотворной,

Долго, усердно молитесь.

«Тяти не ёдетъ... До страшной потери
Долго-ль? хранимъ ли онъ Богомъ?
Есть по лѣсамъ кровожадные звѣри;
Есть и разбой по дорогамъ.»

За городъ ~~дѣти~~ къ часовнѣ нагорной

Кинулись мигомъ въ дорогу.

Тамъ предъ иконой они чудотворной

Стали и молятся Богу;

Ставъ на колѣни, головки склоняютъ

Низко—до праха земного,

Вѣчное имя Отца призываютъ.

Сына и Духа Святого,

«Вѣрю», «Отче» прочли, да и снова,

И «Богородицу» тоже,

Все наизусть до послѣдняго слова,

Все—и «Иомилуй мя, Боже.»

И литанію божественной Дѣвѣ

Старшій запѣлъ, и всей силой
Прочие вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ
Слышится: «тятю помилуй!»

Ѣдутъ... Колеса стучать по дорогѣ;

Грохотъ возовъ на раскатѣ.
Кинулись дѣти въ веселой тревогѣ:
«Тятя пріѣхалъ нашъ, тятя!»

«Стой!»—и купецъ вылетаетъ изъ брички;
Дѣти ласкать его стали.

«Что, мои дѣтушки? Что, мои птички?
Что вы безъ тяты скучали?

«Мама здорова? Тетя здорова?
Лакомки? Вотъ вамъ изюму!»—
Дѣти кричать—не разслышишь ни слова:
Столько на радостяхъ шуму!

Поѣздъ съ товаромъ купецъ отсылаетъ
(Съ радостью рядомъ—отвага!),

Самъ же съ дѣтьми онъ свой путь продолжаетъ...
Вдругъ изъ за лѣса—ватага!

Вышли злодѣи, лохмотья покрыты
Свѣжими пятнами крови;

Страшныя рожи не мыты, не бриты:
Ножъ и кистенья наготовѣ.

Вскрикнули дѣти, къ отцу въ перепугѣ
Лѣзутъ подъ полы шинели;
Нѣту лица на дрожащей прислугѣ—
Въ ужасѣ всѣ помертвѣли.

«Все забирайте!» Всилеснувши руками.
Никиеть купецъ головою:
«Лишь не творите дѣтей сиротами,
Милую женку вдовою!»

Грабятъ злодѣи: одинъ отрягаетъ
Добрую лошадь; тотъ съ крикомъ
Требуетъ денегъ, ножомъ угрожаетъ
Звѣрства въ неистовствѣ дикомъ.

«Стойте!» — раздался вдругъ крикъ атамана.
«Прочь!» — и отхлынула шайка.
«Добрый купецъ!» Умирать тебѣ рано;
Съ Богомъ домой поѣзжай ка! —

Тотъ атаману поклонъ, а разбойникъ:
«Нѣть, — говорить, — ты на свѣтѣ
Жить не остался бъ, ты былъ бы покойникъ,
Если бъ не добрыя дѣти!

«Имъ поклонись! Я бъ аршинною бритвой
Самъ искрошилъ твое тѣло,
Если бъ не дѣтки съ своею молитвой!
Слушай, купчина, въ чемъ дѣло:

«Слышали мы, что ты ўдешь, заранѣ;
Мы ужъ давно сосчитали
Нашу наживу въ твоемъ караванѣ:
Воть мы засѣли—и ждали.

«Вижу—тутъ дѣти. Глядь! Молятся Богу...
Я и смотрѣль, какъ на ипалость.
Даже смѣялся, а тамъ понемногу
Въ сердце закралась и жалость.

Вдругъ я припомнилъ родную сторонку,
Хаты родительской крышику...
Ножъ уронилъ я, какъ добрую женку
Вспомнилъ да сына — мальчишку.

«Дѣти! Вотъ тятя вашъ! Съ Богомъ идите!
Да у домашней божницы
Въ дѣтской молитвѣ порой помяните
Грѣшную душу убійцы.

Бенедиктovъ.

О б л а в а.

(Отрывок изъ поэмы «Пань Тадеушъ».

Литовскіе лѣса,—бездонныя пучины!
Кто въ вашу глубь проникъ до самой сердцевины?
Съ усилиемъ достаетъ рыбакъ у береговъ
Морское дно, кружась въ окраинѣ лѣсовъ;
Стрѣлокъ—литвинъ узналъ ихъ обликъ обычайный,
Да тайна сердца ихъ на вѣкъ осталась тайной....
Но все идетъ молва, иль сказка до-сихъ поръ,
Что если мниовать окраинный темный боръ
И засѣки пройти,—за чащѣй ихъ густою,
Предстанеть на пути запретною стѣною
Высокій валъ изъ пней, кореньевъ и колодъ.
Обороняемый трясиною болотъ
И тысячью ручьевъ; сѣть поросли ползучей
И злаковъ водяныхъ надъ ними куча—кучей;
Гдѣ муравейники, гдѣ гнѣзда осъ, шершней,
Гдѣ, свитыя въ клубокъ упругій, семьи змѣй.
Найдись такой смѣльчакъ, чтобы могъ преграду эту
Хоть чудомъ одолѣть,—за нея дороги нѣту.
За нею, что ни шагъ,—травой полузакрытъ,
Какъ яма волчая, залегъ и сторожить
Прovalъ, и ни въ одномъ дна люди не достали...
(Что хочешь—говори, а только-что едва-ли
Въ нихъ черти не сидятъ?...) Въ тѣхъ омутахъ вода
Кровавой ржавчиной подернута всегда,
И гарь изъ нихъ идетъ; и словно какъ чумный,

Безъ листьевъ и коры, деревья окружныя,
Всѣ выгнанныя въ сукъ, червивы и больны:
По вѣтвямъ мшистый навѣсивъ колтуны
И бородатый пень нагорбивъ по середкѣ,
Сидятъ вокругъ травы, какъ вѣдьмы въ тайной сходкѣ
Сидятъ вокругъ котла, въ которомъ трупъ варять.
За эти омыты не проникаль и взглядъ,
Не только шагъ людской, затѣмъ что черной тучей
Тамъ вѣчно дымъ встаетъ надъ зыбию трясучей.
Но дальше, какъ молва народная гласить,
За дымной тучею эдемъ лѣсной сокрыть
И начинаются цвѣтущія границы
Растеній и звѣрей таинственной столицы.
Изъ-ней-то всѣхъ деревъ и злаковъ сѣмена,
Въ едино собраны, повсюду племена
И отрасли свои, и юные побѣги
Разсѣяли; и въ ней, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ,
Витасть всякий звѣрь, и всѣ па перечеть
Попарио избраны па племя и приплодъ.
Въ самой глухи—дворы лѣсныхъ владыкъ—сосѣдей—
И тура давниго, и зубровъ, и медвѣдей.
Вокругъ державцевъ тѣхъ гнѣздится па вѣтвяхъ,
Какъ думцы чуткіе, и семьи россомахъ,
И рыси; далѣе—жилья вассаловъ многихъ,
И вепрѣй, и волковъ, и лосей круторогихъ.
Надъ головами ихъ орлы и сокола,
Наушники-листцы, съ придворного стола
Нетерпѣливо ждутъ обычную подачку.,.
Тутъ каждая чета селится въ одиночку,

Сокрытая въ глуби невѣдомыхъ дубовъ;
Своихъ дѣтинышь они изъ тайниковъ
Выводятъ на племя за дальняя границы,
Но сами вѣкъ живутъ среди своей столицы,
Не зная, какъ разять желѣзо и свинецъ,
И мрутъ, когда прийдетъ естественный конецъ.
У нихъ есть кладбище... Быть можетъ, небылица,
Но, говорять, туда, предъ смертью, звѣрь и птица
Свое иеро, иль мѣхъ торопятся отнести...
Медвѣдь, коль зубы сѣлъ и не чѣмъ больше ѿсть;
Олень, коль съ мѣста онъ и ногъ уже не сдвинеть;
И заяцъ, коль вся кровь его по жиламъ стынетъ;
И воронъ, коль ужъ сѣдъ; и соколъ, коль ужъ слѣнъ;
Орелъ, коль у него такъ старый зобъ окреинъ,
Что клюва не разильт ему во-вѣки болѣ,—
На кладбище свое влекутся вольной волей...
И даже меньшій звѣрь, пораженый, больной,
Плется лечь костями на сторонѣ родной:
Вотъ почему въ мѣстахъ, доступныхъ человѣку.
Звѣриныхъ костяковъ не найдено отъ вѣку.
Межъ-тѣмъ въ столицѣ той звѣрицой, говорять,
И нравы добрые: затѣмъ, что свой урядъ...
Цивилизациѣ проникнуть не успѣла;
До собственности имъ и до всего нѣть дѣла,
О чемъ страдаетъ такъ и мучится пашъ снѣть;
И нѣть у нихъ войны, и поединковъ нѣть:
Какъ ихъ отцы, въ раю они среди трущобы,
Хоть дики, но ручны, проводятъ вѣкъ безъ злобы.
И ни одинъ свой гиѣвъ не явитъ на другомъ

Ни рогомъ извитымъ, ни зубомъ, ни когтемъ.
И еслибъ человѣкъ занесъ къ нимъ безоружно,
Покоенъ могъ бы быть — оружія не нужно:
Остановивъ на немъ взглядъ изумленный свой,
Смотрѣли бъ на него они, какъ въ день шестой
Смотрѣли предки ихъ на праотца въ Эдемѣ,
Пока межъ нихъ вражды не пало злое сѣя.
Но къ счастью человѣкъ къ нимъ слѣду не найдеть:
Тревога, трудъ и смерть оберегаютъ входъ.
Случалось, что порой охотничьи собаки
Въ трущобу попадутъ, сквозь мхи и бураки,
Но тотчасъ же стремглавъ бросаются назадъ.
Ихъ боязливый вой и сумасшедшій взглядъ
На тайный ужасъ ихъ указываютъ ясно,
И долго господинъ ласкаетъ ихъ напрасно.
И тотъ, укрывшійся въ безвѣстномъ тайникѣ,
Звѣриный стольный градъ на ловчихъ языкѣ
Зовется: Маточникъ.

Простакъ медвѣдь! Ну, чтобы
Тебѣ не выходить изъ вѣковой трущобы?
И войскій бы тогда тебя не подстерегъ...
Но вѣрно съ пасѣки пролетиый вѣтерокъ
Донесъ къ тебѣ сотовъ ятарныхъ благовонность,
Иль къ зреому оссу почувствовалъ ты склонность,
Что, выйди изъ лѣсу, опушкою бродиль,
А тамъ тебя, какъ разъ, лѣсничій сослѣдилъ,
И соглядатаевъ послалъ — твои сноровки...
Всѣ вывѣдать, узнать прикормъ твой и почевки...
И вотъ облавниковъ разставилъ войскій самъ,

Загородивъ тебѣ возвратъ къ роднымъ лѣсамъ.
Тадеушъ опоздалъ: давно уже собаки
Исчезли межъ листвы, въ зеленомъ полумракѣ.
Тиши... Неподвижные, задерживая духъ,
Вотще охотники всѣ превратились въ слухъ
И съ бора темнаго вотще не сводить ока:
Лишь музыка лѣсовъ слышна имъ издалека...
Ныряютъ псы въ лѣсу, какъ на морѣ нырки;
Двустволки наводя въ лѣсную глубь, стрѣлки
Глядять на войскаго: склонившись на колѣна,
Припалъ къ сырой землѣ онъ ухомъ... Переимѣна
Въ лицѣ врача друзьямъ больного вѣрный знакъ:
Отчаяваться-ль имъ иль радоваться; такъ
И въ войскаго стрѣлки, исполнены волненья,
Впивались взорами надежды и сомнѣния.
«Есть! Есть!» онъ прошепталъ и быстро поднялся.
Онъ слышалъ: звѣрь ему уже отозвался,
Когда другое лѣсъ пытали только глазомъ...
Но чу! залаялъ песъ... и два... и двадцать разъ...
За ними всѣ: вдали, вблизи, со всѣхъ концовъ
Раздался громкій лай разбитой стаи псовъ.
Но вотъ свалились, понали на горячій
И гонять; голосъ ихъ не брехотъ дребезжающій
Псовъ, зайцемъ стянутыхъ, иль ланью, иль лисой,
А частый, хриплый лай, отрывистый и злой:
Вблизи, по зрячему, вся стая дружно гонить.
Вдругъ смодло все: дошли! Но мигъ — и чаща стонеть
Оиять подъ сотнями свирѣпыхъ голосовъ;
Медведь боронится, бѣть и увѣчить псовъ.

Сквозь непрерывный лай и ревъ, и завыванья
Все чаще слышенъ визгъ предсмертного страданья.
Ружейные стволы сжимая между рукъ,
Охотники впередъ нагнулися, какъ лукъ—
Не могутъ дальше ждать... И ждать имъ для чего-же?
Одинъ въ слѣдъ за другимъ, покинули сторожи—
И въ лѣсъ: всѣмъ хочется скорѣй, наединѣ.
Со звѣремъ встрѣтиться. Хоть войскій на конѣ
Сторожи обскакаль, хоть расточалъ укоры,
Кричалъ, что будь то панъ, или холопъ, а своры
Отвѣдаешь, коль шагъ отъ мѣста отойдетъ,
Но сладу не было: всѣ кинулись впередъ.
Вотъ грянули въ лѣсу три выстрѣла; слитая
Посыпалась пальба, какъ вдругъ, перекрывая
Сухой ружейный трескъ, раздался грозный ревъ.—
Въ немъ слышалися боль, отчаянье и гиѣвъ.
За этимъ ревомъ вновь и лай, и визгъ собачьи.
И крикъ охотниковъ, и трубы доѣзжающіи
Слилися въ гулъ одинъ... Послѣдніе стрѣлки—
Тѣ съ мѣстъ уходятъ въ лѣсъ, а тѣ взвели курки,
И радуются всѣ, ужъ будто побѣдили;
Лишь войскій жизнь клянетъ, что звѣря пропустили.
Межъ чащею стрѣлки и между осокомъ—
Медвѣду бросились гурьбой на переемъ:
А тотъ, испуганный и псыми и людьми,
Свернувшись къ мѣстамъ, уже покинутымъ стрѣлками,
Къ полямъ, гдѣ стерегли, одни за цѣлый станъ,
Тадеушъ, войскій, графъ до нѣсколько кричанъ.
Тамъ лѣсъ рѣдѣлъ... Стрѣлки ужъ слышать ревъ мотучий

И трескъ, и ломъ—и вотъ, какъ будто громъ изъ тучи,
Изъ чащи ринулся ~~медиць~~... Со всѣхъ сторонъ
Псы гоняется за нимъ и рвутъ его, а онъ
Поднялся на дыбы и задомъ отступаетъ,
И съ ревомъ лапами, что шагъ, то вырываетъ
Гдѣ осмоленный пень, гдѣ узлища корней,
~~Гдѣ~~ камни врослые—и мечетъ ихъ въ людей
И псовъ; сломаль себѣ корягу извитую
И машетъ ею вкругъ себя на—пропалую;
Потомъ вдругъ отскочилъ и кинулся стремглавъ
Къ кустамъ, гдѣ на часахъ стоялъ безпечный графъ
Съ Тадеушемъ... Они—курки на оба взвода—
Ружейные стволы, какъ два громоотвода
На тучу черную, на звѣря навели;
Но твердо выдержать мгновенія не смогли
И—о, неопытность—курки спустили разомъ—
И промахнулись. Звѣрь, какъ углемъ, всыхнулъ глазомъ
И прыгнуль на стрѣлковъ; они, заторопясь,
И оба за одну рогатину схватились.
Другъ-у-друга ее насилино вырываютъ...
Глядѣть, а ужъ у нихъ надъ головой сверкаютъ
Изъ пасти кровяной огромные клыки,
И лана свѣсилась когтистая... Стрѣлки
Успѣли отскочить, отъ страха чуть живыми,
И бросились бѣжать къ опушкѣ, звѣрь—за ними;
Когтями сноровиль царапинуть, не досталь,
Пустился догонять охотниковъ, догналь,
Всталъ снова на дыбы и графа лапой черной
Ловить за волоса льяные сталъ... Безспорно,

Какъ шапку-бъ черепъ сняль сіятельному онъ;
Но въ этотъ самый мигъ на помощь, съ двухъ сторонъ
Ассесоръ и Регентъ явилися нежданно,
А спереди бѣжалъ Гервазій бездыханный,
И Робакъ, безъ ружья, почти-что въ ста шагахъ.
Какъ по командѣ всѣ, въ одинъ и тотъ же взмахъ,
Въ медвѣдя грянули они тремя стволами—
Медвѣдь подпрыгнулъ вверхъ, какъ заяцъ передъ псами,
И о земь грянулся башкою, но потомъ
Очнулся, графа сбилъ тяжелымъ кувыркомъ,
Рыча, хотѣлъ привстать; но мигъ еще единый—
И Справникъ на него насыли со Страпчиной.
Тогда-то войскій взялъ свой буйволовый рогъ,
Придѣты къ поясу за шелковый снурокъ,
Рогъ длинный, крапчатый, скрученный завитками,
Какъ змѣй-удавъ, прижалъ къ губамъ его руками
И закатилъ глаза, и обѣ щеки вздуль,
Какъ полушарія, животъ въ себя втянуль,
Вобравши въ легкія весь духъ, и полной грудью
Въ рогъ затрубиль.. Какъ вихрь пустынныій по безлюдью,
Промчалась музыка по чащѣ вѣковой,
И чутко вторилъ ей отзывный кличъ лѣсной.
Дивятся чистотѣ гармоніи и силѣ
Стрѣлки и ловчіе дыханье притаили.
Еще разъ испытать хотѣлъ старикъ для нихъ
Свой даръ, прославленный въ дубровахъ окружныхъ,
И вотъ наполнилъ онъ и оживилъ дубровы,
Какъ будто въ нихъ пустилъ собакъ и началъ ловы.
Въ его игрѣ весь гуль охоты слышенъ былъ;

Сначала рѣзкій звукъ —то довчій затрубиль;
Потомъ и лай, и вой—то гончихъ псовъ оравы.
Потомъ далекій громъ—то выстрѣлы облавы.
Тутъ духъ онъ перевель, а рогъ держаль; казалось,
Что онъ играль, но нѣть, то эхо разыгралось.
Вновь затрубиль, и рогъ какъ будто бы мѣнялъ
Въ устахъ его свой видъ: длинніялъ онъ и тончаль,
То умягчая звукъ, то съизнова грубѣя,
Какъ голоса звѣрей. Порой, что волчья шея
Протянутая, выль, пронзительно стены;
Порой, медвѣжью пасть собою замѣня,
Ревѣлъ на пѣлый лѣсъ; и вотъ мычанье лося
Съ рыканьемъ зубровымъ по вѣтру донеслося.
Тутъ духъ онъ перевель, а рогъ держаль; казалось,
Что онъ играль, но нѣть: то эхо разыгралось.
И рога чудную игру, за звукомъ звукъ,
Передавалъ сполна дубъ-дубу, буку—букъ.
Трубить опять, и всѣмъ почудилось, что въ рогѣ
Звучало сто роговъ, и полонъ лѣсъ тревоги:
Слилось въ одно и крикъ, и лай, и ревъ, пока
Побѣднымъ гимномъ рогъ не грянулъ въ облака.
Духъ войскій перевель, а рогъ держаль; казалось,
Что онъ играль, но нѣть: то эхо разыгралось.
Что дерево—то рогъ; проснулся старый боръ;
Перекликается съ зеленымъ хоромъ хоръ;
И чище каждый разъ гармонія лѣсная,
И льется все нѣжнѣй, дрожа и замирая.
И вотъ послѣдній звукъ, очаровавшій лѣсъ,
Стихъ гдѣ-то тамъ вдали на паперти небесъ.

Тутъ войскій опустилъ свой рогъ, разиявши руки,
И закачался рогъ на поясѣ; но звуки,
Стихавшіе вдали, ловилъ еще старикъ,
И вдохновеніемъ горѣлъ румяный ликъ...
А между тѣмъ вокругъ, дробясь тысячекраты.
Гремѣли по лѣсу побѣдные виваты.
Но скоро смолкло все, и всѣ сошлись глядѣть
На тушу свѣжую медвѣдя... А медвѣдь
Лежалъ въ крови, пасквозь весь шулями прошибтый
И въ сѣть густой травы косматой грудью вбитый,
Концы переднихъ лапъ закинувши крестомъ;
Еще дышалъ, и кровь лилась еще ручьемъ
Изъ храпа, но башки поднять ужъ былъ не въ силѣ:
Мордашки съ двухъ сторонъ повисли и душили.
Затѣмъ, по войскаго приказу, рычатомъ
Псамъ пасти розняли; прикладами потомъ
Медвѣдя подпяли и павничъ положили,—
И вновь три раза лѣсъ виваты огласили.
«А что? Ружишико-то поставить на свое!»
Ассесоръ закричалъ, вертя своимъ ружьемъ:
«А что ружишико-то? Хоть птичка не величка,
«Да ноготокъ востеръ... конечно, и привычка.
«Заряду на вѣтеръ не тратило оно—
«Не даромъ мнѣ самимъ Сангушко дарено...»
И показалъ ружье: работа просто диво—
Не велико, а какъ примѣтно и красиво!
— Я за медвѣдемъ такъ и рвусь-себѣ впередъ.
Регентъ заговорилъ, со лба стирая потъ:
— Вотъ—такъ и рвусь, а тутъ панъ войскій мнѣ мѣшаєтъ,

Кричить: «на мѣстѣ стой.. А мишка удираеть...
Чего тутъ ждать? «Ну, нѣть!» я думаю: «постой!»
И бацъ!.. А онъ—кувыркъ, да о—земь головой!
Ну, правда, что ружье—какъ есть, Сагаласовка!
И подпись: Sagalas, London, Balabanovka;
(Онъ тамъ и проживалъ:—хоть польскій мастеръ быль,
Но англійскій манеръ въ отделькѣ полюбилъ.)
Ассесоръ фыркнуль:—«Что! Уже-ли, панъ, не бредя
Увѣрить хочеть нась, что онъ убиль медвѣда?»
Послушай-ка, Регентъ отвѣтиль:—здѣсь не судъ:
Здѣсь—всѣ свидѣтели, и дѣло разберуть.»
И завели жъ стрѣлки споръ съ этого момента,
Тѣ за ассесора стоять, тѣ—за регента;
А о Гервазіи никто не иоминаль:
Имъ было ис видать—кто спереди стрѣлялъ.
Панъ войскій началь рѣчь;—«Теперь—вотъ есть
причина:

Тутъ не какой—нибудь косой лайдакъ—запчина,
А тутъ медвѣдь—не жаль шляхетскій дать отвѣтъ;
Споръ сабля разрѣшить, а то и пистолеть...
Васъ трудно разсудить, и старымъ обычаемъ
На поединокъ васъ мы всѣ благословляемъ.
Припомню я теперь, что въ оны дни
Знаваль двухъ шляхтичей; сосѣдями они
Считались по домамъ—дѣлила ихъ Велейка;
Одинъ-то шляхтичъ быль по прозвищу Домейко,
Другой—Довейко. Вотъ пришлося имъ вмѣсть быть
Въ облавѣ и вдвоемъ медвѣдицу убить.
Ну, какъ тутъ усмирить шляхетскую натуру?

Стрѣляться! да вѣдь какъ? — черезъ медвѣжью шкуру,
Стволъ въ стволъ! Вотъ молодцы! вотъ — пляхтичи помнѣ!
Я секундантомъ быль на чьей-то сторонѣ:
Какъ было, разскажу... Одна изъ тѣхъ оказалася...»
Но рѣчь его и споръ вдругъ прекратилъ Гервазій.
Медвѣдя оглядѣвъ внимательно кругомъ,
Онъ пасть ему въ длину разрѣзаль тесакомъ,
И тамъ, ^{тѣ} сходится затылокъ съ головою,
Онъ пулю отыскалъ, отеръ ее полою,
Сличилъ съ патронами, примѣрилъ къ ней ружье,
И на ладони сталъ показывать ее.

«Паны!» такъ началъ онъ: «оставьте споръ и tolki
Вотъ пуля — и она изъ старой одностволки
Горешковской, врага свалила въ мигъ одинъ...
Онъ показалъ стрѣлкамъ негодный карабинъ;
Къ стволу привязано сиурами было ложе...
«Однако-же не я стрѣлялъ: помилуй, Боже!
И вспомнишь, такъ опять стемнѣеть все въ глазахъ:
Медвѣдь у паничей почти-что на плечахъ
И графу черепъ снять пытается съ навалки —
Послѣднему въ роду Горешковъ... хоть по прылкѣ.
Дрожалъ я, словно листъ, и всѣхъ святыхъ молилъ,
Чтобы Господь меня въ конецъ не погубилъ,
И Божьи ангелы мнѣ Робака послали.
Онъ выхватилъ ружье — прицѣлился едва — ли —
И выстрѣлилъ... Теперь замѣтите: сто шаговъ.
Стрѣлялъ онъ на бѣгу, промежду двухъ головъ,
И прямо въ пасть попалъ, и зубы вышибъ звѣрю, —
Признаться, и теперь глазамъ своимъ не вѣрю...

Паны, хоть я живу давненько, но пока
Знавалъ лишь одного подобного стрѣлка,
Того, кто былъ всегда героемъ поединка,
Отстрѣливалъ каблукъ у дамскаго ботинка,
Того разбойника, злодѣя, палача,
По прозвищу—забылъ, а *vulgo*: «Усача».
Но для него ужъ нѣтъ охоты иль игрища:
Горить теперь въ адѣ по самыи усища...
Честь ксендзу и хвала! двѣ жизни спасъ онъ разомъ,
А можетъ—быть— и три... Ни лаской, ни приказомъ
Меня не подобьетъ на похвалъбу никто;
Но—нечего таить: погибни графъ мой, то...
Медвѣдь-бы перегрызъ Гервазіевы кости.
Пойдемъ-ка, выпьемъ, ксендзъ, здоровье его мости!
Но ксендза не нашли; а кто-то объяснилъ,
Что ксендзъ къ Тадеушу и къ графу подскочилъ,
Когда медвѣдь упалъ на вылазѣ дубровы;
Но, видя, что оии и цѣлы, и здоровы,
Взоръ поднялъ къ небесамъ, молитву прошепталъ
И—словно бы за нимъ гналися— побѣжалъ.

Л. Мей.

Въ альбомъ Г. Головинской.

Скитальцамъ на пути недолгихъ нашихъ дней
Жизнь—узкая тропа между двумя морями:
За нами—мгла, туманъ грядущаго предъ нами.
Одни прямѣй идутъ и отдохнутъ скорѣй;
Другихъ влекутъ съ пути приманки обольщенья
Къ роскошнымъ прелестямъ и славы высотамъ.
Счастливы, если, сонъ ловя воображенья,
Найдемъ въ концѣ пути священой дружбы храмъ.

Семеновъ.

Въ альбомъ С. Б.

Дни благодатные прошли,
Когда поля пестрѣли чудно,
Когда цвѣты вездѣ росли...
Теперь цвѣтокъ найти мнѣ трудно.
Ненастье, бури и тоска...
На нивѣ, гдѣ завыла выюга,
Не вижу я нигдѣ листка,
Чтобы сорвать его для друга.
Все, что нашелъ—дарю. Такой
Листокъ не долженъ затеряться:
Онъ поданъ дружеской рукой,
Онъ даръ послѣдній,—можетъ статься.

Минаевъ.

Сліяніе водъ.

Едва ли есть мѣста прекраснѣе долины,
Гдѣ воды чистыя сливаются... О, ты,
Долина чудная! Миѣ будутъ до кончины,
Вѣкъ памятны твои душистые цвѣты.

Я о тебѣ храню въ душѣ воспоминанье
Не потому, что такъ нестры твои луга,
Что рощи я люблю, ключей твоихъ журчанье,—
Есть нѣчто болѣе, чѣмъ мнѣ ты дорога.

Любимые друзья мои тамъ прежде жили.
И памятью о нихъ долина вся полна;
Природа намъ милѣй въ своей могучей силѣ,
Когда она въ глазахъ друзей отражена.

Дай Богъ вернуться мнѣ къ тебѣ въ иные годы
И встрѣтить вновь друзей, когда житейской
тѣмы
Минуютъ, наконецъ, волненія и невзгоды
И, какъ ручки твои, соединимся мы.

Минаевъ.

Аккерманскія степи.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана;
Телѣга, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветь,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темиѣть; впереди—ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, ядвигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако-ль? денницы-ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ: блеснуль маякъ, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небѣ слышенъ леть,
А ихъ—и сокола-бѣ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ: вотъ ползеть
Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой,—
Такая тишина, что зовъ съ Литвы-бѣ далекой
Былъ слышенъ... Только иѣть, никто не позоветь!

A. H. Майковъ.

Морская тиши

НА ВЫСОТѢ ТАРКАНКУТА.

Ласкаясь, вѣтерокъ межъ лентъ надъ ставкой вѣеть,
Пучина влажная играетъ и свѣтлѣеть,
И волны тихія вздыхаютъ порой,
Какъ перси нѣжныя невѣсты молодой.
Которая во снѣ о радости мечтаетъ,
Проснется—и опять, вздохнувши, засыпаетъ.
На мачтахъ паруса висятъ, опущены.
Какъ бранная хоругвь, когда ужъ нѣть войны,
И, будто на цѣняхъ, корабль не шевелится;
Матросъ покоится, а путникъ веселится.
О, море! въ глубинѣ твоихъ спокойныхъ водъ,
Межъ твари дышащей, страшилище живетъ;
Таясь на мрачномъ днѣ, оно подъ бурю дремлетъ,
Но грозно рамена изъ волнъ въ тиши подъемлетъ.
О, мысль! и у тебя въ туманной глубинѣ
Есть гидра тайная живыхъ воспоминаний;
Она, не въ мяте же страстей или страданій.—
Но жало острое воизаетъ— въ тишинѣ.

И. И. Козловъ.

А ю д а г ъ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, иѣнись и дробясь, бунтующая влага
Горить алмазами и радугой живой.

Вотъ, словно рать китовъ, ихъ буйная ватага
Бросается—береть оплотъ береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стяга,
Кораллы яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Невзгоды тайныи и бури набѣгаютъ:
Но арфу ты берешь—и горестямъ конецъ.

Онѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ побѣгѣ оставляютъ:
Изъ иѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

С. Дуровъ.

Б у р я.

Корма затрещала, летять паруса,

Встревожениои хляби звучать голоса,
И солнце затмилось надъ бездной морскою
Съ послѣдней надеждой, кровавой зарею.

Громада, бунтуя, реветь и кишитъ,
И волны бушуютъ, и вѣтеръ шумить,
И стонъ раздастся зловѣщихъ насосовъ,
И вырвались верви изъ рукъ у матросовъ.

Торжественно буря завыла; дымясь,
Изъ бездны кипучей гора поднялась,
И ангель-губитель по ярусамъ пѣны
Въ корабль уже входить, какъ ратникъ на стѣны.

Кто, силы утративъ, безъ чувства падеть;
Кто, руки ломая, свой жребій клянеть;
Иной полумертвый о другѣ тоскуетъ,
Другой молить Бога, да гибель минуетъ.

Младой иноземецъ безмолвно сидить,
И мнить онъ: «тотъ счастливъ, кто мертвымъ лежить,
И тотъ, кто умѣеть усердно молиться,
И тотъ, у кого еще есть, съ кѣмъ проститься».

И. И. Козловъ.

Бахчисарайскій дворецъ.

Въ степи стоять уныль Гирея царскій домъ;
Тамъ, гдѣ толпа нашей стремилась
Съ пороговъ пыль стирать челомъ,
Гдѣ гордость нѣжилась, и гдѣ любовь таилась,
На тѣхъ софахъ змѣя сверкаетъ чешуей,
И скакеть саранча по храминѣ пустой.

И плющъ, межъ стеколъ разноцвѣтныхъ,
Ужъ вѣется на столбахъ завѣтныхъ,
Прокравшись въ узкое окно;
Уже онъ именемъ природы
Къ себѣ присвоилъ мрачны своды;
Могучей право отдано;
И тайной на стѣнѣ рукою,
Какъ Балтазаровой порою,
Развалина—начерчено.

Гарема вотъ фонтанъ. Еще бѣжитъ понынѣ
Изъ чашъ мраморной струя жемчужныхъ слезъ
И ропщетъ томная въ пустынѣ;
Но слава, власть, любовь! — Токъ времени унесъ
Мечтавшихъ здѣсь гордиться вѣчно;
Онъ ихъ унесъ скорѣй и влаги скоротечной.

И. И. Козловъ.

Гробница Потоцкой.

Въ странѣ прекрасныхъ дней, межъ пышными садами,
О роза нѣжна! тебя давно ужъ нѣть!
Минуты прежнія златыми мотыльками
Умчались;— память ихъ точила юный цвѣтъ.
Что-жъ съверъ такъ горитъ надъ Польшею любимой?
Зачѣмъ небесный сводъ такъ блещетъ тамъ въ звѣздахъ?
Иль взоръ твой пламенный, стремясь къ странѣ родимой,
Огнистую стезю прожегъ на небесахъ?
О, Полька! я умру, какъ ты,— одинъ, унылый;
Да бросить гореть земли миѣ милая рука!
Въ бесѣдахъ надъ твоей приманчивой могилой
Меня пробудить звукъ родного языка.
И вѣщій будетъ иѣть красу твою младую
И какъ ты отпвѣла въ далекой сторонѣ;
Увидить близъ твоей могилы здѣсь чужую,
И въ пѣснѣ, можетъ-быть, помянеть обо миѣ!

И. И. Козловъ.

Могилы гарема.

Вы, недозрѣлыми кистьми
Изъ виноградника любви
На столъ Пророка обреченные.
Востока перлы драгоцѣнныя,
Давно вашъ блескъ покрыла мгла;
Гробница, раковина вѣчности,
Отъ нѣги сладкой, отъ безпечности,

Изъ моря счастья вѣсъ взяла.
Онѣ подъ завѣсой забвенія;
Лишь надъ могильнымъ ихъ холмомъ
Одинъ, въ тиши уединенія,
Дружины тѣней бунчукомъ,
Бѣлѣтъ столицъ съ чалмою грустною.
И начерталъ рукой искусною
На немъ Гиуръ ихъ имена.—
Но ужъ и надпись чуть видна.
О, вы, Эдема розы нѣжныя!
Близъ непорочныхъ струй, въ тѣни.
Застѣнчивыи, безмятежныи,—
Увили рано ваши дни!
Теперь же взорами чужими
Гробницѣ нарушился покой;
Но ты простишь. Пророкъ святой!
Здѣсь плакаль онѣ одинъ надъ ними.

И. И. Козловъ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 26-68-63

<http://rcin.org.pl>

<http://rcin.org.pl>

Поступили въ продажу

Польскіе поэты:

Мицкевичъ,

его баллада: Конрадъ Валленродъ.

Печатаются

Русскіе поэты:

И. И. Козловъ.

Готовятся къ печати

Русскіе поэты:

Д. В. Веневитиновъ,

И. И. Гнѣдичъ,

Д. В. Давыдовъ,

Е. А. Баратынскій и др.

Складъ изданий:

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ пассажѣ Джамгаровыхъ, въ книжномъ магазинѣ Общества распростран. полезн. книгъ.

Тип. О-ва распростран. полезн. книгъ, аренда. въ Кудиновымъ.

<http://icin.org.pl>

